

...Новиковым легко обмануться. С его внешностью — ему бы быть полководцем "спецназа". Высоко, ладно сложен, стремителен, резок. Глядя на него, совершенно невозможно представить, что эти крепкие пальцы могут перебирать струны гитары или выводить на бумаге рифмы. Но стоит ему выйти на сцену — он мгновенно преобразается. Куда-то уходит стремительность, жесткость, и проступают черты совершенно другого человека — созерцателя, поэта, странника. Его песни завораживают. Его образы обжигают точностью и яркостью. Его судьба поражает. Бунтарь, поэт, бард, зэк. Он категоричен. Он талантлив.

Сегодня Александр Новиков — гость редакции.

ПОЭЗИЯ — ЭТО МОЯ ЖИЗНЬ

Владислав ШУРЫГИН. Александр, вот уже больше двадцати лет вы на эстраде. Ваши песни не просто на слуху — они чрезвычайно популярны. В "русском шансоне" — вы одна из самых ярких звезд. Не всякий певец может похвастаться таким "долгожительством". И это тем более удивительно, когда узнаешь о том, что из этих двадцати лет всего лишь три года вы провели в тюрьме. Причём всё за те же стихи и песни. Неужели творчество, поэзия стоили того, чтобы идти за них в тюрьму? Можете быть, можно было найти себя в чём-то другом?

Александр НОВИКОВ. Наверное, всё же есть выбор свыше. Я всегда подсознательно чувствовал, что я какой-то особенный, не такой, как все. Но в чем заключается эта моя особенность, я не понимал. Я был очень робким человеком в отношении творчества. Стеснялся даже, что пишу стихи. Я ведь только в 30 лет начал серьезно заниматься песнями. Надо было раньше этим заниматься, но не верил, что могу писать, петь и что это будет так востребовано. И только в зрелом возрасте, когда написал уже много песен, когда пришло признание, я вдруг понял, что песни, стихи — это и есть самое главное в моей жизни. Это моё призвание.

Сегодня, когда многие из песен прошли через время, а 20 лет в музыке — целая эпоха, и до сих пор являются хитами, я понимаю, что, конечно, был выбор свыше. Там, наверху, кто-то хотел, чтобы я писал и пел. Это и есть выбор.

Поэзия для меня — это моя жизнь. Это мой крест и моё счастье. У меня была масса возможностей найти себя в другом деле. Заниматься большим бизнесом. Уйти в политику, стать депутатом. Мог выбраться и в городскую и в областную Думу. Предлагали выдвинуть в Государственную думу Российской Федерации. Но для меня дороже всего то, чем я занимаюсь.

Любой человек задаётся вопросом: что останется после меня, когда я уйду? И далеко не каждый в эту тему смотрит без сожаления за бесцельно прожитую жизнь. Ну, сколько кто-то за жизнь состоянием, и что? После него ничего, кроме денег, не осталось. Но когда-то эти деньги закончатся — и всё! Пустота, небытие.

А после смерти поэта остаются стихи. И они дают бессмертие. Сколько столетий поэмам Гомера или "Слову о полку Игореве"? Поверьте, стихи гораздо дороже денег! Это национальное достояние, которое всегда востребовано.

Счастье создать, привнести в жизнь что-то прекрасное, будить душу — вот назначение творческого человека.

Но, конечно, я не наивный идеалист. И в наше недоброе время я очень хорошо понимаю, что любое творчество нуждается в материальной поддержке. Кто-то ищет покровителей, меценатов. Кто-то просто продаёт свой талант.

Унижаться, продаваться — это не для меня.

Потому в своё время, чтобы не "чесать", как многие, день и ночь по гастролям, теряя и выжигая себя в этой гонке, мне пришлось заняться бизнесом. В.Ш. "Поэт в России больше чем поэт!" Эта известная строфа точно выразила место поэта в русской литературе. Ещё точнее его выразили судьбы русских поэтов. Пушкин — убит. Лермонтов — убит. Есенин — убит. Мандельштам — убит. Клоков — убит. Рубцов — убит. Русские поэты выгорают словно свечи. Что это судьба или случайность?

А.Н. Поэт в России — это не просто судьба, а Судьба с большой буквы. Судьба, сплавленная с Россией, с эпохой, с поколением. Поэт в России это, если хотите, камертон народной души. Поэты — это действительно свечи. Божьи свечи перед иконой России. И долг их светить так ярко, чтобы свет этот озарил всю Россию. Дошёл до каждого человека. Тронул его душу. Помог ему оглядеться. Увидеть главное.

Почему Иосифа Бродского в России никогда не воспримут как великого поэта? Почему ему никогда не достичь уровня Есенина? А ведь Бродский — талантливый, яркий поэт. Но он уехал. Он бросил Россию. И поэтому русский человек подсознательно уже никогда не будет воспринимать его как русского поэта. И не потому, что он еврей, а потому что он Россию бросил, не захотел в нее вернуться. Даже в землю её не захотел лечь. Поэтому Бродский останется поэтом только для литературных гурманов или литературоведов. И это, на самом деле, драма Бродского. Всё лучшее, главное написано Бродским на русском языке, но уехал, он остался без России, без русского читателя. И даже прах его предан земле Венеции.

А народ будет ходить на могилу Есенина, пить водку и плакать, потому что Есенин — это русская душа. Он жил в России и погиб в России. Он часть её.

Сегодня поэтом можно быть только в России. Нигде больше в мире поэт так не читаем и не почитаем.

Конечно, у каждого свои кумиры. Для меня это Есенин. Это действительно русская душа. Именно он смог её выразить наиболее полно. Его страдание, его боль, её широта. Стихи Есенина читаешь, слезы катятся. Они — для души. А русскому человеку душа дороже рассудка, потому что душа для него — это всё.

В.Ш. Но сегодня совершенно очевидно, что поэзия в России переживает острейший кризис. Автор знаменитых строк "поэт в России больше чем поэт!" вполне благополучно с Россией расстался и живёт теперь в штате Оклахома. Вечерние трибуны и бунтари исправно посещают кремлёвские приёмы, получают от власти награды и премии. И что самое главное — молчат. Не пишут. Ну разве что приветствия и обращения. Что произошло с поэзией, с кумирами?

А.Н. Поэт, если он настоящий поэт, не может воспевать в стихах одно, а жить по-другому. Писать сегодня о трудной судьбе России и при этом сидеть у кремлёвской кормушки — это цинизм.

Есть прекрасная поговорка, которую не все понимают, что талант должен быть голодным. Он должен быть голоден не в том смысле слова, что ему всё время хочется жрать, а в том смысле, что не должен быть кем-либо прикормлен. Не должен служить чьим-то придворным шутом или записным трибуном. Поэт должен быть голодным, потому что когда он у государственного корыта, у которого сейчас сидят на золотой цепи многие поэты, он должен за эту "пайку" усыпить собственную совесть. И в этот момент он перестает быть поэтом. Муза от него уходит, потому что творчество приходит не из кормушки, а от Бога. А Бог не любит бесовских людей.

Поэзия не умерла. Она просто стала чуть тише. Точнее, её пытаются заглушить, переключая всякого рода шоу-программы, "поэты-пенсении", попсовики. Занять своими однодневками место настоящей поэзии в душах людей.

ШАНСОН — ЗНАЧИТ ПЕСНЯ

В.Ш. Русский шансон. Это определение возникло лишь несколько лет. И для многих оно до сих пор непонятно. Это французский шансон. И вот теперь возник русский. Что это за явление? Что оно в себя включает?

А.Н. Наверное, наш жанр правильнее всё же называть — народная песня. Но у нас привыкли понимать под этим словом вполне конкретный вид певческого искусства: хоры, ансамбли, фольклор. Поэтому жанр назвали "русским шансоном". Если переводить дословно — русская песня. Пусть будет "русский шансон" — другого слова еще не придумали.

Русский шансон — это целый культурный пласт, в который входят и авторская песня, и барды, и "городской романс", и ещё очень многое. Русский шансон — это народное поэтическое творчество второй половины XX века, переложенное на музыку. Иногда наивное, но всегда эстетически выдержанное, но всегда искреннее эмоциональное и честное.

Очень долго шансон оставался вне коммерции. Это было творчество людей, которые не ставили перед собой коммерческой цели, а имели только желание выразить то или иное общественное явление, высказать свою позицию, свои чувства.

Но оказалось, что и на шансоне можно неплохо "закапачивать". И началось стремительное "пожелтение" шансона. И сегодня, на мой взгляд, происходит постепенная подмена понятия авторской песни, русского шансона, этой шансонной культуры, где основной темой является тюрьма, уголовщина, водка, селедка и т.д.

Такие песни плодятся, как "клоны", уровень их самый что ни на есть примитивный. И это "пожелтение", убогий примитивизм — сегодня главная угроза для русского шансона.

В.Ш. Вы опередили мой следующий вопрос. Есть вершины шансона. Есть Новиков, есть Высоцкий, есть Ножикин, и список этот может продолжиться каждый. Но почему всё чаще под вывеской "русского шансона" подаётся примитивный тюремно-уголовный "блатняк"? Не кажется ли вам, что идёт падение уровня авторской песни.

А.Н. Мы живём в тяжёлое и жестокое время. Время духовного обнищания. Общество сегодня тяжело больно. Идёт стремительная духовная и этическая деградация. И поэтов сегодня значимых не существует. Я не могу назвать ни одной фамилии, которые были бы равнозначны Евтушенко, Ахмадулиной, Вознесенскому, Рубцову. Сорок лет назад, во времена, казалось бы, "дикого застоя" и "тоталитаризма", был расцвет национальной культуры. Несмотря на то, что была цензура, был политический диктат. Но было и другое — государство охраняло нравственные устои. Были чёткие нравственные границы: что можно и чего нельзя. Была очень высокая планка того, что называется творчеством. Тогда народ именно "тянулся" к культуре. Точнее, тянулся за её уровнем.

А сегодня, когда вроде "можно всё", деградация и духовное обнищание. Почему? Я думаю, потому, что культура в сегодняшней России оказалась просто выброшенной на свалку. Она оказалась никому не нужна. Новая власть о ней просто забыла. Никто сегодня на государственном уровне не воспитывает людей, не следит за нравственностью, не поддерживает творчество. На первое место вышел его величество рубль. Сегодня рубль диктует и содержательную сторону, и форму. И под влиянием спроса нынешняя "культура" быстро переориентировалась на потребу "общества" и "упала" на уровень плебеев и убогих мещан, которых в любом обществе всегда гораздо больше, чем умных людей. А уж в сегодняшнем российском — тем более. И этот плебс отключается на самую примитивную вульгарщину, на пошлу, "Целуй меня везде. Восемнадцать мне уже!", "А ты любишь маму мою..." Это уровень нынешней пошлы. Валиться в грязь всегда легче, чем тянуться к чему-то высокому.

И шансон, увы, не исключение. На эстраду потоком устремился всякого рода псевдоблатняк. Та же самая примитивная пошля, но на уголовные темы.

В.Ш. Возвращаясь к вашей судьбе и к судьбе русского шансона вообще. Почему в середине 80-х столь резко разошлись судьбы бардов? Одни, как вы, как Беляев, пошли в тюрьму, а другие, как Окуджава, как Розенbaum, стали почти придворными: обласканными, принятыми властью? Где точка, в которой ваши судьбы разошлись?

А.Н. Мы с Александром Яковлевичем очень разные люди. Разные в творчестве, в характере, в оценках происходящего. И это хорошо, что мы разные.

Что касалось сегодняшней позиции Александра Яковлевича, то, как говорится — каждому своё! Он всегда хотел признания властей, всегда стремился "государственничаться", и он этого добился. Признан, награждён, избран. Возможно, будет кем-то назначен... Могу только за него порадоваться.

Я же всегда шёл своей дорогой. Меня никогда не интересовали признание властей, официальный статус, титулы. Я никогда не хотел быть награждённым властью. Я считал и сейчас считаю, что лучшая награда для поэта — это признание народа. И когда Александр Яковлевич пишет перед своей фамилией "народный артист", я не знаю, зачем ему это надо. И так понятно, что он поэт и народный артист, и никакого уточнения, мне кажется, уже не нужно.

Александр НОВИКОВ: «ПОЭТЫ — СВЕЧИ ПЕРЕД БОГОМ» Завтра, 2004, июнь (мат), с.8 С известным бардом и поэтом беседует Владислав ШУРЫГИН

ОТ ТЮРЬМЫ И ОТ СУМЫ

В.Ш. Я совершенно случайно узнал, что в вашей судьбе самую драматическую роль сыграл Юрий Андропов. Что он лично принимал по вам принципиальное решение: посадить и надолго! Это легенда или правда? И почему всеисильный шеф Лубянки, а потом и генеральный секретарь вдруг озабочился судьбой уральского барда? Чем вы ему так досадили?

А.Н. К сожалению — правда. Безусловно, Андропов был человек умный. И он, видимо, хорошо осознал силу моих песен. Андропов был вообще человек "анимателем" к культуре, к искусству.

Как дословно мне сказал один полковник-кэзбэшник на первых допросах: "Мы Высоцкого упустили, но тебя не упустим, второй такой ошибки мы не сделаем".

Потому мною занимались не мелкие сошки, и даже не Уголовный розыск, а была создана целая группа из полковников и подполковников. Начальник следственного управления позже мне сказал: "Есть указание тебя уничтожить". Следствие продолжалось два года. Если сейчас взять уголовное дело, открыть все 17 томов, то сложно найти, в чём меня не обвинили.

Присылали ко мне и журналистов. Один, помню, Кичин, мне всё цитировал слова из песни "...И мысли бурной рекой катились набекрень". — "Что вы имеете в виду?". Потом написал гнусную статью, в которой с пафосом излагалось, что я-де ищу дешевой славы. Тогда целая серия заказных статей прошла.

Но были и другие. Однажды ко мне в СИЗО пришёл корреспондент журнала "Крокодил" Никитинский. Мы с ним встречались в том же кабинете, что и Кичин, он долго меня слушал, а потом сказал: "Вы знаете, Александр, фельетона не будет. Больше скажу, я все сделаю, чтобы это дело развалили". И он сделал все, чтобы меня вытащить. Он бился за меня. Представляете, его прислали писать разгромный фельетон, а он отказался. Это был гражданский поступок. И до последнего дня, когда я освободился, он делал все, чтобы меня вытащить.

Вообще, всё уголовное дело просто набито статьями и рецензиями. Дело начинается с рецензии на "Вези меня, извозчик". По каждой песне своя рецензия, потом ещё она — заключительная. В ней выходя: "Автор вышеупомянутых песен нуждается если не в психиатрической, то в тюремной изоляции намерения". Причем экспертиза эта сделана до моего ареста, до задержания, что по закону запрещено.

Но по статье "антиобщественная деятельность" мне нельзя было дать много. Всего до трех лет, а надо было больше.

И следователи рыли, не жалея сил. Очень скоро всплыло, что я своими руками собирал концертную аппаратуру и продавал. И мне начали вменять мошенничество. Опросили аж 160 человек. Всех нашли, что у меня купал, и все 160 человек сказали, что они знали, что аппаратура самодельная, то есть — я их не обманывал. Не мошенничал. Дело опять не получалось, и тогда опять взялись за этих же людей. После повторных допросов все они отказались от первичных показаний и сказали то, что хотели услышать следователи. Их просто запугали. Мол, не скажете, что Новиков вас обманул, — пойдёте под суд за растрату казённых денег. Многие ведь покупали аппаратуру для клубов, дискотек. За казённые деньги. Лишь один человек не отказался

от своих первых показаний — Владимир Тарасовский.

Сегодня приговор отменен Верховным судом Российской Федерации "за отсутствием состава преступления". То есть отсидел я просто ни за что! Но никто не извинился. Мне даже не прислали бумагу, что приговор отменен. Из УВД области, которое не имело никакого отношения к моему делу, прислали выписку адвокату.

В.Ш. Шесть лет вы несли крест за свои стихи. Шесть лет вы были лишены свободы. Это огромный срок. Что вы понимали там? Что открыли?

А.Н. Тюрьма мною не учит, многое открывает в человеке. Но я никому не пожелаю эти "университеты".

В тюрьме я себя заново открыл. Я и не знал, что настолько силен, даже представить не мог. Я ведь работал на самой тяжелой работе, на самом тяжелом месте. Город Ивдель, учреждение И-240-2/2. Лагерь по разделке леса. Зимой мороз за 30 градусов, работа по 12 часов. Голод, поножовщина, озверение человеческое. Таких лагерей сегодня нет. Меня туда загнали, чтобы сломать, уничтожить и как личность, и просто физически. Никто бы не стал разбираться, если бы на меня упало бревно или бы меня нашли с заточкой в спине. И чтобы выдержать это, требовалось большое напряжение и физические и душевные силы. Что помогло? Чувство правоты. Гордость, если хотите. Ведь я прекрасно понимал, что сижу ни за что. Что не виновен. И поэтому было униительно просить что-либо у власти. Если вы хотите меня уничтожить, то уничтожайте, но унижаться и просить у вас пощады я не буду!

С первого и до последнего дня своего шестилетнего срока я работал на самых тяжелых работах. Поэтому меня уважали все, начиная от заключенных и кончая начальником лагеря. Они гордились до сих пор, что я не в библиотечке у них работал, и не при кухне отирался, а работал, как все мужики, на лесоповале.

Невероятно, но освободили меня просто. Без какого-либо указания причин. Просто взяли и выпустили... Только в "Комсомольской правде" была напечатана маленькая заметка об освобождении...

В.Ш. Сегодня тюремная субкультура, тюремный жаргон всё сильнее вторгаются в жизнь людей совершенно далёких от тюрем и суда. Даже высшие лица в государстве выражают эмоции на тюремном жаргоне. "Мочить", "разборка", "кидалово" — это вообще чуть ли уже не официальные юридические термины. Один миллион наших сограждан сидит сегодня в тюрьмах и лагерях. А если посчитать всех прошедших через них, то окажется, что едва ли не каждый шестой взрослый человек прошел через зону. Вам не кажется, что мы всё больше и больше становимся "тюремным" народом? Что грань между "зоной" и "свободой" стирается?

А.Н. Вы совершенно правы. Такого количества людей, прошедших через лагерь, нет больше ни в одной стране. Это очень грустная и больная тема. Мы нация, "контушенная" лагерями. Тюрьма, камера, сроки, репрессии, страдания — это уже у нас в крови. В каждой семье свой мартиролог, свои предания и каторжанские байки.

Нацию надо лечить, уварачивать эти раны, успокаивать боль. Но вместо этого тема лагерей, блатняк, уголовщина начинает сегодня раскручиваться всё сильнее и сильнее. Она стала просто золотой жилой для режиссёров, сценаристов, журналистов. Десятки детективных сериалов, бесконечные телевизионные расследования, непрерывная криминальная хроника. Мы погружаемся в лагерь всем обществом так, как не погружались даже в самые смутные тридцатые годы.

И это очень опасно. Из народа-победителя, народа-созидателя, хлебопашца и воина мы становимся нацией "шестёркой", "приблатнённой" шлантрапы, с которой можно не считаться и давить кованым сапогом, как хочешь...

Я всегда был и остаюсь патриотом своей страны. Но я никогда не отождествлял "систему" и Родину. И сегодня не отождествляю нынешнюю власть с Россией. Я чувствую себя патриотом своей земли, своего народа. Его трудной и прекрасной судьбы. И это не патетическое чувство. А скорее тревожащее душу ощущение того, что не имею права опуститься, не имею права успокаиваться, смиряться. А раз так, то я должен жить согласно своим внутренним убеждениям. А мое внутреннее убеждение — я до мозга костей русский, и всё что я делаю, всё, что я ещё смогу сделать, я делаю для своего народа, для России.

АРИИ ЛЕТАЮЩИХ ЖАБ

В.Ш. Александр, вы известны, как непримиримый противник того, что на современной сцене зовётся "попсой". Вы не раз крайне остро и жестко выступали против убогости и пошлости, царящей сегодня на эстраде. Многим запомнилась ваша блестящая дуэль с попсовой дивой Политой Мильяновой. Широкою осласку получили ваше письмо Путину по поводу новогодней телевизионной вакханалии. Почему вы столь непримиримы?

А.Н. Прежде всего потому, что сегодня эстрада — это уже не просто развлечение. Эстрада всё больше берёт на себя роль воспитателя и пропагандиста. "Звёзды" сегодня уже не просто представляют тот или иной стиль музыки, а пропагандируют целый образ жизни — моду, эстетику, мораль и даже кандидатов для голосования. Редкие выборы сегодня проходят без участия тех или иных звёзд эстрады. И поса сегодня пропагандист самого пошлого, низкого и вульгарного. Она не просто разлагает людей — она уничтожает целое поколение.

В.Ш. Я совершенно с вами согласен. Сегодняшняя эстрада предлагает образ жизни, который ведёт к деградации нации как таковой. Но ведь не сами же звёзды придумывают эти песни, пишут для них музыку. За ними стоит целая армия продюсеров, композиторов, текстовиков и спонсоров. Те, кто вкладывает в них деньги. Кто раскручивает их. Неужели они не понимают, что творят?

А.Н. Сегодняшняя эстрада — это настоящая помойка. И не только по качеству продукта, который она производит, а прежде всего в смысле нравов, какие сегодня там царят. Это настоящая грязь. Вроде бы все с виду "люди искусства", вроде, как они говорят, "делают искусство". Но за этим фасадом — полное убожество, цинизм и оголтелая, бесовская алчность.

Искусство давно умерло. Осталось ремесленничество. И даже не ремесленничество, а просто "фабрика". Только не "звезда", как они это называют. А фабрика по заработку дензнаков. Сегодня любимое слово на эстраде "раскрутка". Конечно, раскрутка должна быть. Но "раскручивать" надо тех, кто этого достоин. Тех, кто талантлив, ярок, самобытен.

Вот скворец выпал из гнезда, он еще летать не умеет, но вот-вот взлетит, его надо взять в руки, подбросить, и он полетит и сядет на ветку, он там посидит день-два и начнет самостоятельно летать. Так вот, раскрутка должна быть для тех, кто способен летать, у кого есть крылья. Но сегодня продюсеры почему-то бросают в воздух одних жаб. Берут жабу и бросают, и пока эта жаба летит, ей кажется, что она летает. Может, те, кто её бросает, и понимают, что это жаба, а не птица, но от неё на руках остается золотая пыль, потому что жабы приходят уже обсыпанные золотом, со своими спонсорами и с тугими кошельками. И вот этих содеяшек, дочек, жён сегодня кличут — "звездами".

Меня умиляет "Фабрика звёзд". Собрали в кучу несколько девиц и парней. Они еще ничего не совершили, ничего не добились, а к ним уже приводят известных артистов и те перед ними выступают. И у этих "полупрофессионалов" создается впечатление, что они и сами уже такие. Но на самом-то деле это просто статисты, которые ещё ничего не могут. И обращаются с ними потом так, как и должны обращаться со статистами: наши деньги и извольте, пожалуйста, отработать. Как в театре у Карабаса-Барабаса. Марш на сцену! "Чёс" по стране...

И за всем этим нафталиновой, гомосексуальной, выжившая из ума тусовка из "продюсеров" и всякого рода дельцов, которые называют всё блудодейство искусством.

Что сегодня царит на эстраде? Абсолютно пустые, безликие оболочки, которые не поют, а просто "отрабатываются" телом и ртом деньги, которые в них вложили. И если ты не можешь их отработать, или если проявляешь независимость, строптивость, тебя выбрасывают.

Другое музыкальное "течение" — бесконечные раздетые девицы. В группах и поодиночке. Глядя на все эти "стриптизные" команды, начинаешь думать, что скоро выступать на сцене одетым станет просто неприлично. Что они поют!

Чтобы стать сегодня на эстраде известным, не нужен голос. Надо просто наплевать на всю мораль, засунуть себе за пазуху надувные сиски, накрасться бабой — и вот ты уже звезда, ты певца.

Или новогодняя вакханалия. За двумя зайцами" в исполнении пугачёвского клана. Это просто позор для нашей страны.

Когда же Пугачёва вместе в Киркоромей и К, наконец, поймут, что уже обрыдли народу донельзя. Что народ её уже не воспринимает как ту Пугачеву, великую эстрадную певицу. А лишь как покровительницу всего самого безвкусного и примитивного.

Мое счастье, что я никак не завишу от этих людей.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В.Ш. И последний вопрос. Если бы вдруг у вас появилась возможность вернуться в какой-то момент своей жизни, куда бы вы хотели вернуться?

А.Н. Наверное, я хотел бы ненадолго вернуться в детство. Вдохнуть ещё раз то детского счастья вечности, когда все родные люди вокруг молодых, когда все деревья — высокие, реки глубоки и запахи остры. Ещё хотел бы предупредить беды, которых можно было избежать. Спасти тех, кого, может быть, можно было спасти. Я бы хотел ещё раз увидеть Влада Листьева. Он считал, что ему будут звонить, предупреждать и угрожать. Я сказал, что этого не случится, что его просто убьют, как бабочку. Он не поверил...

Хотел бы вернуться в тот день, когда погибла в авиационной катастрофе моя сестра, может быть, получилось бы не пустить её на этот самолет...

Я бы хотел вернуться во все те дни, когда можно предупредить что-то нехорошее или сделать что-то очень хорошее...